

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт востоковедения

MONGOLICA

К 750-летию
«Сокровенного сказания»

Москва
"НАУКА"
Издательская фирма "Восточная литература"
1993

ББК 63.3
М61

Редакционная коллегия

*В.М.Солнцев (председатель),
Л.К.Герасимович, С.Г.Кляшторный (зам.председателя),
Е.И.Кичанов, А.Г.Сазкин, К.Н.Яковская*

Редактор издательства

С.М.Аникеева

Mongolica: К 750-летию "Сокровенного сказа-
М61 ния". — М.: Наука. Издательская фирма "Восточ-
ная литература", 1993. — 343 с.
ISBN 5-02-017395-9

Статьи сборника посвящены истории изучения древнейшего и уникального памятника монгольской письменности — "Сокровенного сказания", его значению как литературного и исторического памятника, его фонетической реконструкции и языковым особенностям. Ряд статей характеризует историографические, этнографические и фольклорные сюжеты, связанные с "Сокровенным сказанием".

М $\frac{0502000000-082}{013(02)-93}$ 26-92

ББК 63.3

ISBN 5-02-017395-9

© Издательская фирма
"Восточная литература"
ВО "Наука", 1993

Н.С.Яхонтова

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ "ЮАНЬ-ЧАО БИ-ШИ"
В РОССИИ И СССР¹

В 1866 г. П.И.Кафаров (архимандрит Палладий) — глава Российской духовной миссии в Пекине — опубликовал в IV томе Трудов миссии перевод "Юань-чао би-ши". Так русские и европейские ученые впервые познакомились с этим замечательным сочинением, которое притягивало и продолжает притягивать к себе ориенталистов Запада и Востока, филологов и историков, ученых с мировым именем и тех, кто только начинает свой научный поиск.

Работа П.И.Кафарова "Старинное монгольское сказание о Чингис-хане" [Кафаров, 1866] содержит перевод китайского текста с предисловием и комментариями. Первоначально, как считал П.И.Кафаров, "Юань чао ми ши"² состояло из трех текстов: монгольского, писанного уйгурскими буквами; тонического, представлявшего только звуки монгольского текста, выраженные условными китайскими знаками, и, наконец, китайского переводного" [Кафаров, 1866, с. 5-6]. В распоряжении П.И.Кафарова тогда был только китайский перевод сочинения, но он знал о существовании "тонического" текста и надеялся его приобрести; текст монгольского оригинала науке до сих пор не известен.

В предисловии П.И.Кафаров прослеживает по китайским источникам историю появления "Юань-чао би-ши" в Китае и дальнейшую судьбу его списков. Он пишет, что в 1382 г. не дошедший до нас монгольский текст в уйгурской графике был затранскрибирован китайскими иероглифами и переведен на китайский язык наряду с другими материалами при составлении своеобразного словаря — пособия для упрощения

© Н.С.Яхонтова, 1993.

¹ Краткие тезисы этой статьи были представлены на международный симпозиум, посвященный изучению "Сокровенного сказания монголов", проходивший в Хух-хото (КНР) в 1988 г. [Яхонтова, 1988].

² В русском востоковедении XIX в. было принято написание "Юань чао ми ши". Написание "би" вместо "ми" ввели В.В.Бартольд и В.Л.Котвич, причем последний оговаривает, что следует западноевропейской транскрипции [Котвич, 1925, с. 233]. Б.И.Панкратов считает, что чтение "ми" соответствует пекинскому произношению [Панкратов, 1962, с. 5]. В настоящее время в КНР принято чтение "ми" (см. [Словарь, 1977, с. 613]).

общения китайцев с монголами. Рукопись "Юань-чао би-ши" пережила путешествие вместе с Нанкинской библиотекой в Пекин, многочисленные дворцовые перевороты и во времена П.И.Кафарова утвердилась в библиотеке академии Ханьлинь в составе справочной библиотеки Юн-лэ дадянь. С этого экземпляра китайский ученый Чжан Му в 1841 г. снял копию для предполагаемого издания сборника редких старинных сочинений. Часть сборника, куда вошел связанный китайский перевод "Юань-чао би-ши", была отпечатана в 1848 г. Этим изданием и пользовался П.И.Кафаров.

П.И.Кафаров пишет, что "Юань-чао би-ши" было хорошо известно китайским историкам, которые ценили его достоверность, выгодно отличавшую этот источник по истории монголов от китайских. По его мнению, сочинение основано на устных преданиях и авторство его принадлежит нескольким лицам, которые либо были свидетелями описываемых событий, либо жили во время, близкое к ним, и их рассказы могли быть записаны каким-нибудь грамотным монголом. Ссылаясь на китайского ученого Сюй Суня, П.И.Кафаров относит создание монгольского текста сочинения к 1240 г.

Язык китайского перевода, по мнению П.И.Кафарова, не всегда можно понять. Китайские ученые называют его тяжелым, грубым и деревенским. Подверженный сильному влиянию монгольского, язык этот употреблялся в первую очередь для перевода документов. П.И.Кафаров объясняет систему записи монгольских имен собственных в тексте китайского перевода, когда для передачи звуков, отсутствующих в китайском языке, употреблялись условные значки.

Примечания к тексту, цель которых, как пишет П.И.Кафаров, разъяснение описываемых в нем событий, касаются перевода некоторых китайских слов, значений специфически китайских выражений и иносказаний. В примечаниях П.И.Кафаров объясняет этнографические реалии, отождествляет географические названия и проводит параллели с некоторыми китайскими историческими сочинениями. Работу "Старинное монгольское сказание о Чингис-хане" завершает генеалогическая таблица рода Чингис-хана.

П.И.Кафаров не сомневался, что в основе иероглифической транскрипции лежал монгольский текст в уйгурской графике. "Впрочем, — пишет он, — для монголистов легко будет восстановить монгольский текст по тоническому, сохранившемуся, но не изданному, если когда-нибудь удастся приобрести его" [Кафаров, 1866, с. 8].

Публикация П.И.Кафарова сразу же привлекла к себе внимание историков. Профессор И.Н.Березин в предисловии к своему переводу второй части первого тома "Сборника летописей" Рашид ад-дина [Березин, 1868] пишет, что он наконец смог воспользоваться переводом "Юань-чао би-ши", сделанным архимандритом Палладием (первая часть этого тома вышла раньше). Приветствуя появление перевода и подчеркивая важность нового источника по истории монголов, И.Н.Березин принимает для "Юань-чао би-ши" сокращенное название "монголо-китайская летопись". В примечаниях к

своим переводам этого и следующего тома "Летописей" Рашид ад-дина [Березин, 1888] И.Н.Березин постоянно обращается к "монголо-китайской летописи", сверяя по ней генеологию и факты биографии Чингис-хана, причем часто он отдает предпочтение версии "Юань-чао би-ши", а не Рашид ад-дина. Там же он приводит монгольские имена в передаче "Юань-чао би-ши", считая его более достоверным источником, чем персидские рукописи.

В ноябре 1872 г. П.И.Кафаров приобрел рукопись "Юань-чао би-ши", содержащую запись монгольского текста китайскими иероглифами с подстрочным и литературным переводами на китайский язык. Получив в свое распоряжение полную рукопись, он переложил китайскую транскрипцию на русскую графику и сделал русский перевод китайского подстрочника. Хотя эта работа и не была издана, она хорошо известна востоковедам. Ее рукопись хранится в Архиве востоковедов ЛО ИВАН [Кафаров, Рукопись].

В 1878 г. П.И.Кафаров отдал полную рукопись "Юань-чао би-ши" профессору А.М.Позднееву, находившемуся тогда в Пекине. Впоследствии А.М.Позднеев передал ее в библиотеку Императорского Санкт-Петербургского университета. А.М.Позднеев был первым монголистом, в чьи руки попал этот текст. В 1884 г. вышла его статья "О древнем китайско-монгольском историческом памятнике Юань-чао-ми-ши" [Позднеев, 1884], знакомящая ученый мир с рукописью, содержащей это сочинение в его полном виде. В рукописи 6 небольших книжечек (тетрадей), разделенных на 15 цзюаней (глав) и затем на параграфы, всего "292 китайских страницы прекрасного четкого и ясного китайского иероглифического письма" [Позднеев, 1884, с. 247]. Интересующихся историей рукописи А.М.Позднеев отсылает к опубликованной работе П.И.Кафарова, который, по его словам, выбрал из китайских источников все, относящееся к "Юань-чао би-ши". А.М.Позднеев рассматривает в статье транскрипцию, подстрочник и перевод. Монгольский текст записан китайскими иероглифами, которые расположены вертикальными строками, идущими справа налево; иероглифы, обозначающие одно слово, отмечены красной линией с небольшими зубцами влево. Имена собственные и названия народов отмечены желтой чертой без зубцов, а географические названия — зеленой. Почти у каждой линии есть также зубцы вправо, которые, по мнению А.М.Позднеева, служат для разграничения корня и агглютинативных суффиксов. Всего для записи текста используется 450 иероглифов (380 основных А.М.Позднеев приводит в отдельной таблице). Он пишет, что "монгольские речения передаются китайскими иероглифами с удивительной точностью" [Позднеев, 1884, с. 250]. Если монгольский звук отсутствует в китайском (например "р"), для его передачи берется китайский иероглиф с близким звучанием с добавлением некоторых знаков. Один согласный звук без гласного (что невозможно в китайском) обозначается уменьшенным иероглифом, написанным сбоку. В определении чтения иероглифов А.М.Позднеев сле-

довал словарю рифм "Инь-це-чи-гуй"³. Китайский подстрочный перевод располагается справа от монгольских слов, и размер иероглифов меньше. А.М.Позднеев пишет, что "по нему мы можем вполне основательно проследить и уяснить себе происхождение монгольских идиотизмов, которыми так изобилует китайская литература времен Юаней..." [Позднеев, 1884, с. 251-252].

Сравнивая китайский перевод (которым пользовался П.И.Кафаров) с монголо-китайским текстом (т.е. транскрипцией), А.М.Позднеев подчеркивал ценность последнего. Китайские переводчики выпускали непонятные или, с их точки зрения, несущественные места, не всегда правильно понимая текст, произвольно толковали слова и выражения, что вело к искажению смысла. Так, из-за пропуска отдельных мест в китайском переводе получалось, что Чингис-хан покорял племена, которые уже давно признали его власть. В монголо-китайском тексте значительно подробнее, чем в переводе, описан эпизод избрания Джамухи ханом. По китайскому переводу получается, что Чингис-хан сам себя назначил ханом, тогда как в действительности он был избран на ханство своими сподвижниками и т.п.

А.М.Позднеев признавал несомненную важность "Юань-чао би-ши" для историков. Однако "главнейшее значение его для нас в настоящее время, — писал А.М.Позднеев, — заключается в его языке и письменности. В монголо-китайском тексте Юань-чао-ми-ши мы впервые встречаемся с языком монголов XIII века..." И далее: "В Юань-чао-ми-ши мы находим ясно и определенно изображаемую нам монгольскую речь с обширными образцами ее слогов описательного и повествовательного, с примерами ораторских речей и философских рассуждений, встречаем не только прозаическое изложение, но и стихотворения древних монголов" [Позднеев, 1884, с. 258-259]. А.М.Позднеев отмечает, что язык памятника "имеет весьма мало различия от современного нам разговорного монгольского языка..." [Позднеев, 1884, с. 259]. Его особенность заключается в том, что "он носит в себе довольно значительное число слов татарских, равно как замечаются в нем и грамматические формы, ныне свойственные только татарским наречиям. Все это без сомнения доказывает... связь и даже единство древнего татарского языка с монгольским..." [Позднеев, 1884, с. 259]. По мнению А.М.Позднеева, "Юань-чао би-ши" будет полезно также для изучения квадратного письма и влияния тибетского языка на монгольский.

В III томе "Лекций по истории монгольской литературы", которые профессор А.М.Позднеев читал в Санкт-Петербургском университете в 1897/98 учебном году и которые были записаны его студентами и изданы в 1908 г., "Юань-чао

³ По-видимому, А.М.Позднеев имеет в виду словарь У Синъюаня "Юнь це чи гуй" (1710 г.). См.: Восточный отдел Научной библиотеки им. Горького при ЛГУ, шифр. Хул. 1265.

би-ши" посвящен отдельный параграф [Позднеев, 1908, с. 46-68], в основном повторяющий содержание статьи 1884 г.

Существует еще работа А.М.Позднеева "Транскрипция палеографического текста „Юань-чао-ми-ши“", напечатанная литографским способом без прямых указаний на автора, место и время издания [Позднеев, б.г.]. В ней приводится транскрипция чтения китайских иероглифов русскими буквами и подстрочный перевод, а также восстановленный монгольский текст, записанный уйгурским письмом, первых 96 параграфов "Юань-чао би-ши". Часть текста снабжена примечаниями относительно транскрибирования отдельных монгольских слов. По словам В.Л.Котвича, эта работа была опубликована А.М.Позднеевым в 90-х годах как пособие к его университетскому курсу [Котвич, 1925, с. 235-236]. Видимо, о ней говорит А.М.Позднеев в "Лекциях": "Предполагая часть следующих лекций по истории монгольской литературы посвятить чтению и подробному разбору текста Юань-чао-ми-ши, мы восстановим ее текст современным монгольским алфавитом" [Позднеев, 1908, с. 68].

Таким образом, благодаря усилиям русских востоковедов XIX в. в научный оборот был введен новый уникальный памятник по истории монголов — "Юань-чао би-ши".

Признание важности памятника выразилось, в частности, в том, что статья о "Юань-чао би-ши" вошла в "Энциклопедический словарь" Брокгауза и Ефрона. Написана она профессором Н.И.Веселовским — востоковедом-историком, для которого "Юань-чао би-ши" — лишь ценный исторический источник [Веселовский, 1904].

Так же и для академика В.В.Бартольда "Юань-чао би-ши" было ценно в первую очередь содержащимися в нем сведениями об истории монголов. В одной из своих ранних работ "Образование империи Чингиз-хана" в перечне источников о жизни Чингиз-хана он поместил "Юань-чао би-ши" сразу после Рашид ад-дина и "Юань ши" [Бартольд, 1968]. Ссылки на "Юань-чао би-ши" в переводе П.И.Кафарова имеются во многих работах В.В.Бартольда, причем как в глобальных трудах, подобных "Туркестану в эпоху монгольского нашествия" [Бартольд, 1963], так и в небольших статьях, докладах или рецензиях. Несомненно, что В.В.Бартольд досконально знал содержание памятника; это видно по тому, что он использовал не только непосредственно исторические факты, но и, казалось бы, несущественные художественные детали. Например, в докладе "О колесном и верховом движении в Средней Азии" в качестве довода об использовании монголами кибиток с двумя колесами он приводит слова, сказанные Чингис-ханом Ван-хану керейтскому: "Мы с тобой что две оглобли у кибитки; когда поломается одна, быку не сvezти кибитки; мы с тобой что два колеса у кибитки; сломайся одно, ей не двинуться" [Бартольд, 1966, с. 407].

Такое внимательное отношение к этому сочинению и позволило В.В.Бартольду впервые посмотреть на него шире,

чем просто как на исторический источник. В статье "Образование империи Чингиз-хана" он пишет: "Покойный проф. Березин не совсем удачно назвал этот крайне любопытный памятник „монголо-китайской летописью". На самом деле он скорее всего может быть отнесен к героическому, богатырскому эпосу" [Бартольд, 1968а, с. 255]. Эту же мысль В.В.Бартольд развивает во "Введении" к своему труду "Туркестан в эпоху монгольского нашествия": "... оно ("Юань-чао би-ши". — Н.Я.) отличается от всякой летописи уже тем, что повествование не ведется по годам; хронология событий крайне неопределенна и запутана. На наш взгляд, этот любопытный памятник должен быть отнесен к произведениям богатырского эпоса. Выдающиеся богатыри прославляются автором гораздо больше, чем Чингиз-хан и его род" [Бартольд, 1963, с. 90–91].

После работ А.М.Позднеева для монголистики по-прежнему оставалась актуальной задача полной реконструкции монгольского текста. Профессор В.Л.Котвич в небольшой статье "К изданию Юань-чао-би-ши" [Котвич, 1925] сообщает, что А.М.Позднеев предполагал сделать транскрипцию и перевод памятника, однако такое издание так и не было осуществлено. Статья В.Л.Котвича написана по поводу работы П.Пеллио "À propos des Somans" [Пеллио, 1920], в которой автор, в частности, приводит один параграф восстановленного текста "Юань-чао би-ши" и обещает в скором будущем опубликовать его полную реконструкцию. "Таким образом, на этот раз, — пишет В.Л.Котвич, — видимо, близко к осуществлению дело, о котором так часто говорилось и которое сильно озабочивало русских востоковедов" [Котвич, 1925, с. 233]. Будучи лингвистом, он видит основное значение "Юань-чао би-ши" в том, что это один из самых древних и притом самый обширный памятник монгольского языка. В.Л.Котвич считает подготовку транскрипции делом непростым, поскольку "китайцам... не удалось приспособить в достаточной степени своей транскрипции к потребностям монгольской фонетики" [Котвич, 1925, с. 237]. Заканчивает он статью некоторыми конкретными замечаниями к транскрипции и переводу П.Пеллио.

Ценность "Юань-чао би-ши" не ограничивается историческим материалом, в нем содержащимся. В.В.Бартольд, признав "Юань-чао би-ши" эпопеей, а не просто летописью, обратил внимание историков монгольской литературы на древнейший и ценнейший ее памятник, свидетельствующий о том, что еще в XIII в. монгольское художественное творчество стояло достаточно высоко и опиралось на развитую традицию.

Академик Б.Я.Владимирцов рассматривает "Юань-чао би-ши" в двух литературоведческих работах [Владимирцов, 1920; Владимирцов, 1923]⁴. В статье "Монгольская литература" он пишет, что среди дошедших до нас произведений

⁴ Обе эти статьи были переизданы в Элисте в 1967 г. в книге "Ойратско-калмыцкий героический эпос".

письменности XIII в. "появляется настоящее литературное произведение, и притом самое интересное, самое яркое, с которым не может сравниться ни одно произведение последующей монгольской литературы... Произведение это — „Сокровенное сказание о монгольском народе“, более известное у европейских писателей под китайским названием „Юань-чао-ми-ши“ [Владимирцов, 1920, с. 94]. Появление такого произведения было подготовлено и стимулировано исторической обстановкой. "Военные походы, обширные завоевания, общий расцвет и подъем монгольской жизни при Чингис-хане вызывают национальное самосознание монголов и создают условия, удобные для развития эпических сюжетов. В ту же эпоху, при Чингис-хане, образуется могучий общественный класс, класс монгольской степной аристократии, который делается носителем и вдохновителем эпических настроений" [Владимирцов, 1920, с. 95]. Этот класс не только хранил и распространял, но и создал эпические сказания. Этого требовало его пробудившееся самосознание. В предисловии к работе "Монголо-ойратский героический эпос" Б.Я.Владимирцов характеризует "Юань-чао би-ши" так: „Сокровенное сказание" не есть все-таки настоящая эпопея, это не монгольская Илиада, для этого она слишком „исторична“, местами слишком прозаична; но это и не „история“, ни в коем случае не летопись или что-либо подобное; „Сокровенное сказание" слишком наполнено эпическим настроением, эпическими мотивами, слишком напоминает своим складом эпическую бытину и, несмотря на некоторую обработку с определенной тенденцией стать „историей" рода Чингиса, остается верной выразительницей идеалов степной монгольской аристократии. И лучше всего остановиться для „Сокровенного сказания" на определении „богатырское сказание“, как это делает В.В.Бартольд, первый определивший характер и значение этого любопытного памятника степного творчества" [Владимирцов, 1923, с. 9].

В труде "Общественный строй монголов" Б.Я.Владимирцов вновь обращается к "Юань-чао би-ши", но уже как к историческому сочинению. Он называет его одним из наиболее важных своих источников и характеризует "не как произведение богатырского эпоса, а как историю-хронику, переданную эпическим стилем, пропитанную „ароматом степи“"⁵ [Владимирцов, 1934, с. 8]. В этой работе, ссылаясь в основном на кафаровский перевод "Юань-чао би-ши", Б.Я.Владимирцов иногда уточняет его, приводя прямой перевод по монгольскому транскрибированному тексту.

"Юань-чао би-ши" послужило источником для еще одной работы Б.Я.Владимирцова — "Чингис-хан", которая состоит из 16 небольших глав и представляет собой историю жизни монгольского владыки [Владимирцов, 1922]. Работа эта стала библиографической редкостью; на нее были написаны

⁵ К этим двум словам Б.Я.Владимирцов дает примечание: "выражение А.Н.Веселовского".

две интересные рецензии Н.Н.Поппе [Поппе, 1924] и В.В.Бартольдом [Бартольд, 19686].

Профессор Н.Н.Поппе, занимаясь изучением монгольского эпоса, в статье "О древнемонгольской эпической литературе" писал, что вряд ли будет возможность исследовать подлинные тексты древних эпических произведений, так как они передаются устным путем и маловероятно, что их кто-нибудь записывал. Поэтому "волей-неволей приходится обращаться к литературе на языке монгольской письменности, поскольку в этой монгольской литературе можно рассчитывать найти если не полные эпические произведения, то во всяком случае отрывки из них... Самым замечательным произведением этого рода является полупоэтическая история Чингис-хана и его рода, озаглавленная *Moγuolun ni'ūša tobš'i'ān* „Сокровенное сказание о монголах“...” [Поппе, 1934а, с. 429]. Соглашаясь с характеристикой, данной памятнику В.В.Бартольдом, Н.Н.Поппе пишет, что "это образец древнейшей монгольской героической эпической литературы", и далее: "текст „Сокровенного сказания“ изобилует не только эпическими по содержанию, но и по форме местами, являющимися образцами древнемонгольского стихосложения" [Поппе, 1934а, с. 429-430]. Сравнивая отрывки из "Сокровенного сказания" с "подобными пассажами современных эпических произведений халха-монголов", собранных им самим, Н.Н.Поппе делает вывод, что "в современном героическом эпосе монгольских народностей сохранилось несомненно значительное количество очень древних элементов, поскольку местами он почти дословно совпадает с древнейшими эпическими произведениями, которыми мы располагаем" [Поппе, 1934а, с. 431]. Сохраняя общие элементы с "Сокровенным сказанием", устные эпические произведения халха-монголов, бурятов и ойратов отличаются друг от друга. Бурятский эпос Н.Н.Поппе со ссылкой на Б.Я.Владимирцова характеризует как архаичный, ойратский — как развившийся в высших кругах феодального общества, но сохранивший архаичные черты, тогда как "письменные памятники монгольской эпической литературы... представляют собой образцы наиболее развитого феодального эпического творчества частично эпохи монгольской империи, прошедшие сквозь тщательную литературную обработку" [Поппе, 1934а, с. 436].

В книге "Халха-монгольский героический эпос" Н.Н.Поппе начинает главу "Древнемонгольская письменная литература" с рассмотрения "Сокровенного сказания" как древнейшего памятника монгольского героического эпоса. Не отвергая, как и прежде, характеристик В.В.Бартольда и Б.Я.Владимирцова, Н.Н.Поппе дает ему свою, более конкретную: "Это произведение состоит из родословных и отрывков героического эпоса, с одной стороны, и некоторых исторических свидетельств, с другой" [Поппе, 1937, с. 8]. Более детально автор останавливается на рассмотрении двух отрывков из "Сокровенного сказания". Первый — избрание Тэмуджина ханом — выражает, по мнению Н.Н.Поппе, идею "служения вассала своему сеньеру, идею верности и преданно-

сти ему"; второй — характеристика, данная "четырем главным верным сподвижникам Чингис-хана, в которой на первый план выступают их храбрость и беззаветная преданность Чингис-хану", что "подчеркивает его собственную мощь как повелителя столь замечательных богатырей" [Поппе, 1937, с. 9—10]. Полемизируя с В.В.Бартольдом, который из факта прославления героев в большей степени, чем самого Чингис-хана, делает вывод о тенденции к их самостоятельности и независимости, Н.Н.Поппе предлагает иное объяснение: "В основе „Сокровенного сказания" лежит, с одной стороны, убеждение в том, что могущество сеньера заключается в его умении повелевать выдающимися богатырями, а с другой стороны, в том, что вассалы являются тем более мощными, чем более могущественному сеньеру они служат и повинуются" [Поппе, 1937, с. 10]. "Сокровенное сказание", по мнению Н.Н.Поппе, "выражает очень ярко понятия „степной аристократии", т.е. феодалов начала и середины XIII в., об обязанностях вассала по отношению к своему сеньеру и прекрасно отражает настроения феодальной верхушки, видевшей в Чингис-хане своего организатора и вождя" [Поппе, 1937, с. 11].

Н.Н.Поппе принадлежит также статья о монгольской литературе в "Литературной энциклопедии" 1934 г., где он характеризует "Сокровенное сказание" как самое древнее из доступных изучению эпических произведений [Поппе, 1934б, с. 447].

Ц.Ж.Жамцарано, автор исследования "Монгольские летописи XVII века", высказывает некоторые соображения относительно "Юань-чао би-ши" в главе, посвященной "Алтан тобчи" Лувсан Данзана. Эта летопись XVII в. наряду с другими фрагментами содержит в себе монгольский текст "Сокровенного поведания", или "Секретной истории монголов" ("Юань-чао би-ши") [Жамцарано, 1936, с. 80].

Ц.Ж.Жамцарано приводит выдержки из "Алтан тобчи", сравнивая их с соответствующими местами "Юань-чао би-ши", и показывает, что "Алтан тобчи" не копирует, а пересказывает содержание "Юань-чао би-ши", часто дополняя его. Язык "Алтан тобчи" отличается от языка "Юань-чао би-ши". "Вообще в „Алтан тобчи" Лувсан Дандзана... и других хрониках XVII в. мы встречаем замену простых, грубых слов и выражений XII в. словами и выражениями учтивости, благоговения и лести, выработанными в монгольской аристократической среде под влиянием китайской и буддийской культур" [Жамцарано, 1936, с. 99]. В "Алтан тобчи" отсутствует та часть текста "Юань-чао би-ши", где описываются события, происшедшие после смерти Чингис-хана, поэтому Ц.Ж.Жамцарано считает, что "в Монголии был в ходу полный монгольский текст „Юань-чао би-ши", но, возможно, без изложения царствования Огэдэя" [Жамцарано, 1936, с. 120]. По наблюдениям Ц.Ж.Жамцарано, многие слова в летописи "Алтан тобчи" записаны так, как будто они строго копируют китайскую фонетическую транскрипцию. "Это обстоятельство заставляет думать, что первоначально текст „Юань-

чао би-ши" был средактирован с китайской транскрипции, потом был переписан уйгурскими буквами в XIII в. без изменения" [Жамцарано, 1936, с. 91].

Соотношения "Юань-чао би-ши" и "Алтан тобчи" кратко касается и С.А.Козин в статье, определяющей значение различных терминов для обозначения сподвижников Чингисхана [Козин, 1939б]. Он приводит перечень параграфов "Юань-чао би-ши", отсутствующих в "Алтан тобчи", и считает их "пропуск не случайным, а основанным на определенной тенденции летописца XVII столетия" [Козин, 1939б, с. 158]. Кроме того, С.А.Козин отмечает одинаковые ошибки в словах двух текстов, связанные с китайским способом транскрипции монгольских слов (например, ошибочное написание согласной *l* вместо *r*), и делает вывод об использовании Лубсан Данзаном — автором "Алтан тобчи" — китайской версии памятника, высказывая сомнение в существовании его уйгуро-монгольской версии.

Итак, в 20 — 30-х годах изучение "Сокровенного сказания" заметно двинулось вперед. Им стали заниматься не только историки, но и филологи-монголисты. Наметились некоторые частные направления его исследования, например связь "Сокровенного сказания" с героическим эпосом, его соотношение с "Алтан тобчи" и другие. Но по-прежнему ощущалось отсутствие фонетической реконструкции текста. Правда, в 1931 г. появилась транскрипция части текста Э.Хениша, которой пользовались Ц.Ж.Жамцарано и Н.Н.Поппе [Хениш, 1931].

В 1941 г. вышел в свет труд академика С.А.Козина "Сокровенное сказание", открывший новый этап в изучении памятника [Козин, 1941]. Эта работа включает в себя четыре части: введение, перевод на русский язык, транскрипции текстов и словари.

Обширное "Введение в изучение памятника" состоит из нескольких разделов, посвященных различным аспектам изучения "Юань-чао би-ши". Сначала кратко характеризуется состояние исследования памятника и дается обзор источников. С.А.Козин кроме рукописи, известной по работам П.И.Кафарова и А.М.Позднеева, пользовался также и другими списками этого сочинения, в частности ксилографическим изданием текста "Юань-чао би-ши", состоящим из 12 цзюаней, Е Дэхуя (1908 г.)⁶. В его распоряжении была также транскрипция Э.Хениша. Все это давало материал для текстологической работы и могло служить пособием для издания, по словам С.А.Козина, "критически установленного текста китайской транскрипции" [Козин, 1941, с. 10]. Решение этой задачи С.А.Козин оставляет синологам. Сам он предполагал вначале ограничиться исследованием стихотворных фрагментов "Юань-чао би-ши" как наименее изученной части памятника. Окончательный результат пятнадцатилетней работы далеко превзошел первоначальные планы автора. Изданный I том является лишь частью исследования, о пол-

⁶ См. [Каталог, 1973, с. 206, № 577 (шифр Д 753)].

ном объеме которого позволяет судить перечень предполагаемого состава всей работы, приведенный в первом разделе "Введения" — "Общие положения" и в обращении "От автора", где говорится о содержании второго и третьего томов исследования. О том, что эти два тома уже были готовы к печати, сообщается в "Рабочей хронике института востоковедения за 1943 год" [Хроника, 1944, с. 5]. К сожалению, они так и не увидели свет.

В том же, первом разделе "Введения" С.А.Козин дает общий обзор систем письма, существовавших у монголов, предлагая деление их на "ясные" — монофонические и "неясные" — полифонические. К первым относятся китайская, квадратная и ойратская, а ко вторым — уйгуро-монгольская. На распространение и развитие этих систем в первую очередь влияли политические условия в монгольском обществе. Уйгуро-монгольское письмо, скрывающее различия диалектов и поэтому отвечавшее идее централизованного государства, и китайское, которое, как всякое "ясное" письмо, стремилось к отражению конкретного диалекта и поэтому отвечало идее раздробленности, существовали одновременно. То, что в конце концов успех выпал на долю уйгуро-монгольского письма, объясняется преобладанием в то время панмонгольских стремлений. Эти рассуждения используются С.А.Козиным как одно из доказательств выдвинутого далее предположения о том, что иероглифическая запись "Сокровенного сказания" является не транскрипцией предполагаемого алфавитного текста, а оригиналом. С.А.Козин полагает, что "памятник был написан... при помощи практиковавшейся тогда у монголов и вполне при этом сложившейся системы китайско-монгольского письма, единственным крупным текстом на котором он пока и является" [Козин, 1941, с. 18]. Это подтверждается, по его мнению, в частности, тем, что китайская транскрипция текста была сделана раньше, чем подстрочный и литературный китайский переводы. В качестве еще одного довода в пользу этого предположения он ссылается на результаты сопоставления и сравнительного разбора текстов "Юань-чао би-ши" и "Алтан тобчи", включающего 233 параграфа "Юань-чао би-ши". С.А.Козин приводит только некоторые общие соображения⁷ в пользу того, что в "Алтан тобчи" представлена попытка "монгольских буддийских схоластов XVII в. восстановить монгольский текст памятника по китайской его транскрипции..." [Козин, 1941, с. 20]. Этот вывод он иллюстрирует на примере параллельных текстов § 79.

Специальный раздел "Введения" посвящен исследованию "Юань-чао би-ши" как памятника монгольской художественной литературы. С.А.Козин предлагает перевести и понимать его название как "неофициальная история, неофициальный исторический сборник" [Козин, 1941, с. 30]. Он пишет: "Из заглавия мы должны сделать лишь два вывода: о

⁷ Подробно С.А.Козин предполагал рассмотреть этот вопрос в следующем томе [Козин, 1941, с. 19].

том, что данная хроника не является подлинным историческим документом, а только кратким извлечением, сборником, составленным притом не для официального применения, а для удовлетворения обыденных потребностей в чтении для возможно широких масс народа, а быть может, и для начального обучения юношества" [Козин, 1941, с. 30].

В "Сокровенном сказании", по мнению С.А.Козина, можно выделить две части: первая часть "по преданиям реализует народную память о своем прошлом примерно за 4-5 протекших веков... с определенной великодержавной тенденцией пытается связать единым родством многообразные монгольские племена, как бы они ни были далеки друг от друга и по языку, и территориально, и даже этнически" [Козин, 1941, с. 35]. Вторая часть — это запись событий, происшедших на памяти летописца (С.А.Козин делает предположение, что им мог быть Кокочос — нойон-тысячник, доверенное лицо Чингис-хана), который писал и устанавливал хронологию как "по собственным воспоминаниям, так и на основании местных и общегосударственных летописных сводов и документов, по показаниям самовидцев и прочим многообразным источникам" [Козин, 1941, с. 35].

С.А.Козин подчеркивает, что автор или авторы "Сокровенного сказания" придавали ему прежде всего литературное значение, о чем свидетельствует большое количество стихотворных отрывков самых разных жанров и сюжетов. Он приводит их приблизительную классификацию и отмечает некоторые их общие особенности: "Независимо от того, что многие стихотворения носят все признаки индивидуального литературного творчества определенного дарования и вкуса, резко бросается в глаза еще одна общая всем разительная черта: все они, как будто бы, прошли единую цензуру отбора и оценки, будучи лишены обычных в подобных произведениях элементов сказочного, чудесного или даже чрезмерно гиперболического, которыми так ярко отмечены произведения монгольской народной словесности позднейшего периода" [Козин, 1941, с. 35]. С.А.Козин высоко отзывался о мастерстве автора памятника; особенно восхищает его сюжетная линия, связанная с борьбой Чингис-хана и Джамухи. "Изображение этой трагедии, как и самые портреты героев, представляют, правда, лишь подобие набросков карандашом, но своим чувством меры и удивительной яркостью обнаруживают гениальную руку художника" [Козин, 1941, с. 36]. Причину этой борьбы, которая, по выражению С.А.Козина, "сквозной красной нитью" проходит через весь памятник, С.А.Козин видит в том, что Джамуха был "поклонником феодальной старины и убежденным противником нового дела Чингиса" — установления всемирного единодержавия [Козин, 1941, с. 45]. Подводя итог литературной характеристике памятника, С.А.Козин пишет, что монгольская хроника XIII столетия "является в некотором роде универсальным по своему синкретизму произведением монгольской литературы, включая в себя многообразные элементы: и документально-исторические, и эпические, и элементы литературной лири-

ки, и повести, и даже зачатки драмы и трагедии... Со стороны языка памятник отличается такую яркостью, полнотой форм и изяществом, которые предполагают уже установившуюся традицию" [Козин, 1941, с. 46]. Это, считает С.А.Козин, дает основание предполагать возможность открытия еще не известных памятников, записанных китайским письмом.

В последнем разделе "Введения" — "Хроника 1240 года и позднейшие памятники монгольского эпоса"⁸ — С.А.Козин ставит "Сокровенное сказание" в один ряд с "Джангариадой" и "Гэсэриадой", считая, что они могут рассматриваться как "своеобразная монгольская эпическая трилогия" [Козин, 1941, с. 61]⁹.

С.А.Козин обращает внимание на то, что появление в 1240 г. сформировавшегося памятника письменного литературного языка у народа, получившего письменность в 1204 г., при отсутствии литературных предшественников, требует объяснения. Он ссылается на гипотезу Б.Я.Владимирцова, по которой одновременно с письменностью был заимствован у найманов и сложившийся литературный язык, что делало возможным появление такого памятника, как "Сокровенное сказание". Сам С.А.Козин придерживается другого мнения. Подтверждение его он ищет у Рашид ад-дина: "Уже Рашид-Эддин констатировал существование у монголов устного литературного языка, относя лишь это своеобразное явление к древнему, дописьменному периоду, мы же должны добавить, что этот устный литературный язык существовал и существует еще наряду с письменным литературным языком..." [Козин, 1941, с. 50]. Существование "устно-литературного сверхдиалекта общепонятного литературного языка, *moɣɯŋ*" С.А.Козин объясняет условиями кочевого ведения хозяйства, когда передвижения кочевников-скотоводов по обширным территориям предполагали лучшее сохранение литературных ценностей в памяти, чем фиксация на письме. "Сокровенное сказание" и представляет собой "положенный на письмо, уже сложившийся, устный литературный язык". Так же определяется и язык "Джангариады" и "Гэсэриады".

Подробное исследование текста "Сокровенного сказания" в связи с историческими условиями его написания приводит С.А.Козина к выводу о том, что это сочинение является точным отражением исторических процессов, происходивших в монгольском обществе в XIII в.: борьбы зарождавшихся классов, уничтожения пережитков родового строя и создания сильной централизованной власти. Точно так же и

⁸ Этот и предыдущий разделы "Введения" без каких-либо существенных изменений (практически дословно) вошли позднее в состав книги С.А.Козина "Эпос монгольских народов" в качестве ее первой главы [Козин, 1948, с. 68—128].

⁹ Аналогичная мысль высказывается и в статье С.А.Козина "Эпос монгольских народов и виды их письменности" [Козин, 19466].

"Джангариада" и "Гэсэриада" были обусловлены социально-политической обстановкой своего времени.

Наконец, исследование сюжета, композиции, образов главных героев трех памятников "указывает на известную историко-литературную преемственность в монгольском народном эпосе" [Козин, 1941, с. 75].

Центральное место в книге С.А.Козина занимает русский перевод монгольского текста "Юань-чао би-ши" (восстанавливаемого по китайской транскрипции). Он сделан прекрасным языком, выдержанным в одном стиле, передающим эпический стиль оригинала. Стихотворные фрагменты переведены речью, приближающейся к стихотворной; параллельно приведены прозаические буквальные переводы. В переводе сохранено деление на 12 глав, соответствующих 12 цзюаня' текста. С.А.Козин дал им условные названия, часто составные, отражающие несколько важных эпизодов из содержания главы. Заглавие текста переведено как "Монгольский обыкновенный сборник".

Следуя абзацам в тексте транскрипции, текст перевода разбит на параграфы, которые пронумерованы (последний, § 282, соответствует колофону); указание номера параграфа стало универсальным средством ссылки на текст "Юань-чао би-ши".

За переводом следуют три текста.

Первый текст — это транскрипция, по возможности приближающаяся к транскрипции знаков китайского письма оригинала памятника. В ней звуки, которые не различает китайский язык, передаются одинаково. Например, в соответствии с китайской транскрипцией, С.А.Козин не различает *o/ö* и *u/ü*, пользуясь только гласными твердого ряда. Однако он различает *q*, *q̇* и *h*, хотя в китайской транскрипции нет последовательного различения этих звуков. Недостаток этой транскрипции С.А.Козина состоит в том, что она отражает фонетические нормы китайского языка XIX, а не XIII–XIV вв. С.А.Козин без серьезных оснований считает неприемлемыми требования "полностью отразить в транскрипции памятника все те фонетические особенности, которые свойственны китайским идеограммам вообще и их звучанию в китайских диалектах (или диалекте) XIII в. в частности" [Козин, 1941, с. 27]. К таким особенностям, например, относится согласный *m* в конце слога, который еще существовал в китайском языке монгольской эпохи, но позже перешел в *n*. С.А.Козин, не учитывая этого, транскрибирует, например, слова *temdeg* 'знак', *dumda* 'среди' как *tendeg* и *dunda*.

Третий текст — это запись произношения, восстанавливаемого по китайскому письму, с помощью транскрипции, принятой у монголистов для текстов уйгуро-монгольской письменности. Как пишет С.А.Козин, он стремился учесть по возможности полностью орфографические нормы уйгуро-монгольского письма. Так, он восстанавливает *d*, *g/γ* и *m* в конце слога, *ö* и *ü* в словах мягкого ряда; т.е. в тех случаях, когда китайская транскрипция не может дать яс-

ного чтения звука, С.А.Козин интерпретирует ее в соответствии с монгольскими нормами. Вопреки китайской транскрипции он восстанавливает интервокальные согласные *γ/g* (хотя и непоследовательно) и *m*. Однако там, где китайская транскрипция недвусмысленно указывает на необычное произношение, он сохраняет его особенности, например оставляет начальный *h*, в слогах *-gai*, *-ba* в словах мягкого ряда — гласный *a*.

Второй текст — параллельные фрагменты из "Алтан тобчи" — дан в традиционной транскрипции.

В конце тома приложены два словаря: один — в порядке следования параграфов текста и второй — в порядке монгольского алфавита, к большинству слов приведены соответствия из старописьменного монгольского и из разговорных диалектов.

О значении этой работы прекрасно сказал Н.Н.Поппе в предисловии к ней: "Труд С.А.Козина представляет собою исключительное явление в истории монголоведения не только по своим масштабам, но и по качеству работы, обнаруживая многосторонние и глубокие знания предмета... Этот труд открывает перед монголоведением новые перспективы, новые горизонты... он продвинет науку вперед и поможет ей подняться на много ступеней выше. В сущности, только теперь историки получат надежный материал для своих исследований, в то время как до сих пор они должны были черпать свои данные из сокращенного и местами неточного перевода Кафарова. О лингвистах, занимающихся историей монгольского языка, нечего и говорить: им этот древнейший памятник монгольского языка был до сих пор вообще недоступен. А литературоведы тоже только теперь получат не только прекрасно поданный материал, но и ценное исследование этого памятника. Словом, С.А.Козину будут благодарны не только монголисты, но и китаисты и историки Востока" [Козин, 1941, с. 6-7]. Остается только добавить, что полвека, прошедшие со дня выхода в свет труда С.А.Козина, полностью подтвердили сказанное Н.Н.Поппе.

Для Л.С.Пучковского "Сокровенное сказание" — исключительно исторический памятник [Пучковский, 1953, с. 134-136]. Он начисто отрицает возможность характеристики "Сокровенного сказания" как произведения эпического жанра, считая, что эпические моменты свойственны всем монгольским историческим сочинениям, большее же их число в "Сокровенном сказании" по сравнению с летописями XVII в. вызвано более ранним периодом создания памятника. Л.С.Пучковский подчеркивает, что "Сокровенное сказание" — это единственный дошедший до нас памятник монгольской феодальной историографии XIII в. Он послужил одним из основных источников для написания летописей XVII в.

В 1962 г. Б.И.Панкратов опубликовал факсимиле рукописи "Юань-чао би-ши", хранящейся в библиотеке Восточного факультета ЛГУ (той самой, которую А.М.Позднеев привез из Пекина от П.И.Кафарова)¹⁰ [Панкратов, 1962]. В предис-

¹⁰ Восточный отдел Научной библиотеки им. Горького при ЛГУ, шифр Ху1. 1264.

словни он пишет, что сочинение "представляет собою полуэпическое, полусторическое повествование о предках монгольского царского рода, о племенных взаимоотношениях в период, предшествовавший объединению монголов под властью Чингис-хана, о жизни и деятельности самого Чингиса и о некоторых событиях во времена его сына и преемника Угэдэя... Историки находят здесь сведения, дополняющие данные *Юань-ши* — официальной истории монгольской династии, лингвисты имеют богатейший материал для исследования одного из средневековых диалектов монгольского языка, а для литературоведов *Юань-чао би-ши* является необычайно ценным литературным памятником, содержащим множество фрагментов старинного монгольского эпоса и огромное количество фольклорного материала" [Панкратов, 1962, с. 5-6]. Определив значимость этого памятника для науки, Б.И.Панкратов переходит к обсуждению касающихся его частных проблем. Он выражает сомнение в правильности традиционной датировки "Юань-чао би-ши". Написание его относится к 1240 г. — последнему году *мьши* при жизни Угэдэя, так как в колофоне сказано, что оно было записано на курултае в год *мьши*, и в нем нет сведений о смерти Угэдэя. Но поскольку в исторических источниках отсутствует упоминание о курултае в 1240 г. и в тексте "Юань-чао би-ши" встречаются тогда еще не существовавшие географические названия, Б.И.Панкратов предпочитает считать дату написания памятника неустановленной. Так же как и большинство исследователей, Б.И.Панкратов полагает, что китайская транскрипция была сделана по более раннему тексту в уйгурской графике.

Б.И.Панкратов присоединяется к мнению многих ученых, считающих, что монгольским названием памятника является "Чингис хахан-у худжаур" ("Происхождение Чингис-хана") — фраза, которая в книге С.А.Козина является началом первого предложения текста. Б.И.Панкратов высказывает предположение, что название "Юань-чао би-ши" (или — до начала XIX в. — "Юань би ши") было дано сочинению китайскими чиновниками при разборе дворцового архива после свержения династии Юань. Он отмечает, что в рукописи фраза "Чингис хахан-у худжаур" вынесена в тексте в отдельную строку и после нее оставлено пустое пространство, а не продолжен текст. Кроме того, китайское название сочинения "Юань-чао би-ши" записано крупными иероглифами, а его монгольский эквивалент в транскрипции "Ман-хо-лунь ню-ча то-ча-ань" — мелкими, как пояснение к китайскому, тогда как в самом тексте рукописи, напротив, крупными знаками пишется транскрипция, а мелкими — поясняющий ее китайский перевод. Это подтверждает и свидетельство китайского ученого-текстолога Гу Гуанци, который пишет, что в списке "Юань-чао би-ши", принадлежавшем Цянь Дасиню, слова "Ман-хо-лунь ню-ча то-ча-ань" отсутствовали.

Б.И.Панкратов очень подробно описывает историю перемещения, копирования и издания всех известных списков "Юань-чао би-ши", состоящих из 12 и 15 цзюаней. Далее он дает археографическое описание рукописи, приводит

примеры небрежного и ошибочного написания иероглифов, определяет по печатям прежних владельцев рукописи и содержание приписок. Публикуя факсимиле, Б.И.Панкратов добавил нумерацию параграфов, а также цзюаней и листов арабскими цифрами. Вслед за этим изданием Б.И.Панкратов предполагал опубликовать перевод текста, примечания, глоссарий, реконструкцию монгольского текста и транскрипцию, но эти планы остались неосуществленными.

Без обращения к "Юань-чао би-ши" — этой, по выражению Н.Ц.Мункуева, "энциклопедии кочевой жизни XII в." [Мункуев, 1977, с. 409], не обходится практически ни один историк, занимающийся историей Монголии XII—XIII вв. Работ, в которых есть ссылки на "Юань-чао би-ши", очень много, и мы не ставим своей целью учесть их все, однако для примера остановимся на сборнике "Татаро-монголы в Азии и Европе", тем более что две статьи в нем прямо связаны с "Юань-чао би-ши", а авторы доброй половины остальных, как видно по ссылкам, наряду с другими источниками широко пользовались материалами этого текста [Татаро-монголы..., 1977]¹¹.

В статье Н.П.Шастиной "Образ Чингис-хана в средневековой литературе монголов" рассматривается в первую очередь, как Чингис-хан изображен в "Юань-чао би-ши" — "Тайной истории монголов"¹². Н.П.Шастина пишет, что автор "Тайной истории" использовал родовые предания, народные сказания и легенды о Чингисе. "Несмотря на это, общий характер повествования достаточно объективно передает события его жизни и деятельности", в памятнике нет непомерного восхваления Чингис-хана, напротив, автор "не старается скрыть недостатки характера монгольского повелителя, он не умалчивает о некоторых его поступках, граничащих с преступлением, отдавая должное его уму, распорядительности, организаторскому таланту" [Шастина, 1977, с. 464]. Случаи из жизни Чингис-хана, описанные в "Тайной истории", показывают разные стороны его характера.

Статья Л.Н.Гумилева "„Тайная" и „явная" история монголов XII—XIII вв."¹³ из этого же сборника демонстрирует очень интересный и важный подход историка к изучению "Юань-чао би-ши". Впервые ставится вопрос о достоверности этого сочинения, о том, какова была цель его написания, чьи интересы выражал его автор. Л.Н.Гумилев рассматривает различные аспекты "Тайной истории": хронологию со-

¹¹ Первое издание этого сборника вышло в 1970 г., второе — в 1977 г. Ссылки на статьи из него даются по второму изданию.

¹² Н.П.Шастина пользуется изданием "Юань-чао би-ши", подготовленным П.Пеллио [Пеллио, 1949].

¹³ Эта статья — отдельное издание X-й главы ("Вкусы и симпатии автора „Тайной истории"") книги Л.Н.Гумилева "Поиски вымышленного царства", вышедшей, как и первое издание сборника, в 1970 г. [Гумилев, 1970]. В конце статьи сообщаются некоторые факты, опущенные в книге. В 1974 г. статья вышла в переводе на английский язык [Гумилев, 1974].

бытий, которая страдает пропусками и неточностями; жанр, определение которого не укладывается в уже имеющиеся стереотипы: "историческое сочинение" или "литературное произведение"; характеристики центральных персонажей, когда налицо двойственное отношение автора к Тэмуджину — Чингис-хану и Джамухе, очень теплое — к Субэтэю и Тэмуге-отчигину, скептическое — к сыновьям Чингиса, отрицательное — к Гуюку и полное замалчивание Елюй Чуцая. Причина такой особой трактовки событий, по мнению Л.Н.Гумилева, в политической тенденциозности автора, который писал политический памфлет. "Цель сочинения заключалась в том, чтобы представить читателям в 1240 году монгольскую историю с определенной точки зрения и привить им определенную политическую концепцию" [Гумилев, 1977, с. 495]. Автор "Тайной истории", по мнению Л.Н.Гумилева, принадлежал к "старомонгольской партии". "Возврат к старой доблести — вот идеал автора и политическая платформа, ради которой он написал свое замечательно талантливое сочинение" [Гумилев, 1977, с. 499]. Л.Н.Гумилев ссылается на перевод С.А.Козина, однако он считает, что название "Тайная история монголов" более удачно: "Это поистине „Тайная история" — протест против официальной традиции, идеализировавшей личность Чингис-хана" [Гумилев, 1977, с. 499].

Литературоведческих работ, специально всесторонне исследующих "Сокровенное сказание" как памятник художественной литературы, нет. Однако ни одно изложение истории монгольской литературы не обходит стороной "Юань-чао би-ши". В 1969 г. вышло сразу два очерка Г.И.Михайлова, посвященных истории становления монгольской литературы, — "Литературное наследие монголов" [Михайлов, 1969а] и "Монгольская литература" [Михайлов, 1969б]; последний входит в серию "Литература Востока" и написан в соавторстве с К.Н.Яцковской, но интересующий нас раздел "Древняя поэзия и средневековая литература Монголии" в нем принадлежит Г.И.Михайлову¹⁴.

Изложение истории монгольской литературы начинается в обеих работах с главы "Древняя поэзия", в которой "Сокровенное сказание монголов" упоминается в связи с тем, что в нем так или иначе нашли отражение многие виды древнего народного творчества монголов — сказки, былины, песни, афоризмы. В следующей главе рассматривается "Сокровенное сказание" как "самый ранний из известных нам исторических и литературных памятников" [Михайлов, 1969а, с. 20]. "Сокровенное сказание" вобрало в себя давно существовавшие в устной традиции исторические легенды и предания, эпические фрагменты и песни и другие фольклорные материалы, которые, как считает Г.И.Михайлов, были систематизированы и зафиксированы составителями в 1240 г. Обилие стихотворных фрагментов в сочинении позволило Г.И.Михай-

¹⁴ Г.И.Михайлов в своих работах ссылается на перевод "Юань-чао би-ши" на современный монгольский язык, сделанный Ц.Дамдинсурэном [Дамдинсурэн, 1947; Дамдинсурэн, 1957].

лову назвать его "антологией древней поэзии монголов" [Михайлов, 1969а, с. 23]. Центральное место в "Сокровенном сказании монголов" отводится Чингис-хану; оно "было задумано как сочинение о доме Чингиса" [Михайлов, 1969а, с. 24], поэтому он так возвеличивается и восхваляется. С другой стороны, Г.И.Михайлов особо подчеркивает объективность "Сокровенного сказания" по сравнению со следующими историческими сочинениями.

Общие работы по истории калмыцкой литературы также не могут обойти молчанием "Сокровенное сказание". В самой первой монографии о калмыцкой литературе, вышедшей в Элисте в 1967 г. на калмыцком языке, наряду с произведениями устного народного творчества упоминается "Сокровенное сказание" как самый древний и важный памятник литературы монгольских народов [Калмыцкая литература, 1967]¹⁵. В "Истории калмыцкой литературы" основные положения раздела "Древняя поэзия", написанного Г.И.Михайловым, — те же, что и в книге "Литературное наследие монголов" [Михайлов, 1969а], но изложены они значительно подробнее, с большим количеством примеров и акцентом на калмыцкие параллели [История, 1981].

В книге "Калмыцкая дореволюционная литература" автор, А.В.Бадмаев, рассматривая истоки зарождения ойратско-калмыцкой литературы, подробно останавливается на "Сокровенном сказании" [Бадмаев, 1984]¹⁶.

После обзора основных существующих мнений по поводу авторства, жанра, архитектоники и отношения к Чингис-хану А.В.Бадмаев пишет, характеризуя "Сокровенное сказание": "Мы обнаруживаем в нем живую речь с образцами описательного и повествовательного слогов ее, с примерами устных посланий и философских рассуждений, образцами древней мифологии и фольклора во всех жанрах и видах" [Бадмаев, 1984, с. 29]. Далее А.В.Бадмаев предлагает свое толкование нескольких легенд из "Сокровенного сказания".

Отдельные статьи монголистов-литературоведов посвящены изучению вопроса о связи "Сокровенного сказания" с фольклором и эпосом монгольских народов.

Г.И.Михайлов, характеризуя "Сокровенное сказание" с этой стороны, пишет: "Авторы этого синкретического произведения старой монгольской литературы широко использовали известные в XIII веке мифические, былинные и леген-

¹⁵ Статьи из "Литературной энциклопедии" (1-е и 2-е изд.), посвященные ойратской, или калмыцкой, литературе, начинают изложение вопроса только с изобретения "ясного письма" Зая-пандитой в 1648 г. Однако в ВСЭ (3-е изд.) Т.О.Бембеев в статье о КАССР пишет, что до 1648 г. "...калмыки пользовались общемонгольским алфавитом и у них с монголами была единая литература „Сокровенное сказание“, 13 в.)" [Бембеев, 1973, с. 656].

¹⁶ Это — второе издание, исправленное и дополненное; первое вышло в 1975 г. Содержание их в том, что касается "Сокровенного сказания", совпадает.

дарные сюжеты. Часто исторических лиц они снабжали легендарными или былинными характеристиками" [Михайлов, 1971, с. 64].

В статье "Устойчивые фольклорные элементы „Сокровенного сказания"" М.П.Хомонов проводит параллели между некоторыми фольклорными элементами в "Сокровенном сказании" и в устном народном творчестве бурят [Хомонов, 1981]. В своей более ранней работе он писал по этому поводу: "Древнейший монгольский памятник „Сокровенное сказание" имеет много общего в системе поэтических средств с бурятскими улигерами вообще и с „Гэсэром" в частности" [Хомонов, 1976, с. 98]. К таким общим элементам относится и мотив оборотничества, который в "Сокровенном сказании" звучит в приказе Чингис-хана Субэтэю поймать бежавших меркитов. Аналогичный сюжет есть и в бурятском "Гэсэре", примеры из которого приводит автор. Он приводит также пословицы из "Сокровенного сказания" (по тексту А.С.Козина), которые встречаются в бурятских улигерах "Еренсей", "Хурин Алтай хубуун", "Олюр Богдо Хубуун" и других. Кроме пословиц он также пишет об "афоризмах с постоянными эпитетами, сравнениями, которые с древнейших времен сохраняют свою первоизданность, что свидетельствует об устойчивости эпической традиции и непрерывности устного народного творчества" [Хомонов, 1981, с. 59].

Фундаментальная монография "Героический эпос монгольских народов" С.Ю.Неклюдова подводит итог всем изысканиям, связанным с эпическим характером памятника [Неклюдов, 1984]. Рассмотрению "Сокровенного сказания" как эпического памятника XIII в. предпослано изложение истории изучения монгольской эпической литературы.

С.Ю.Неклюдов пишет, что источниками для "Сокровенного сказания" послужили, во-первых, устные предания, доминирующие в первой части сочинения (до § 123, где описывается эпизод избрания Тэмуджина ханом) и, во-вторых, документы правительственных канцелярий Чингиса и Угэдэя, которые преобладают во второй части. И те, и другие использовались только как материал для создания памятника. Организующим началом "Сокровенного сказания" является жизнеописание Чингиса, а образцом, по которому это описание строилось, был героический эпос; именно он определяет, по мнению С.Ю.Неклюдова, жанровую природу памятника. "Стройность фабульной структуры обеспечивается тем, что — безотносительно к степени достоверности описываемых событий (которая здесь, очевидно, в целом достаточно высока) — организация самого материала производится в соответствии с канонами эпического сюжетосложения, и даже может быть прямо, хотя скорее всего и неосознанно, ориентирована на них" [Неклюдов, 1984, с. 232].

С.Ю.Неклюдов специально останавливается на рассмотрении "поэтических ритмизованных вставок" (то, что прежние исследователи просто называли "стихами"), которые являются самой яркой особенностью поэтики "Сокровенного сказания". "Стихи" — это почти всегда речь персонажа или

монолог, произносятся они широким кругом лиц, но чаще центральными героями. Впрочем, взаимоднозначной зависимости между активностью персонажа и наличием стихотворной вставки нет. Последнее имеет скорее тематическую обусловленность. Стихотворные вставки, как правило, факультативны для фабулы, они отличаются большим жанровым разнообразием при явном преобладании эпических описаний. Ближайшей фольклорно-эпической аналогией "стихов" С.Ю.Неклюдов считает историческую песню.

Таким образом, "Сокровенное сказание" представляет собой смешанный прозапоэтический текст, генезис которого С.Ю.Неклюдов объясняет, исходя из одной из форм бытования эпоса монгольских народов: текст, состоящий из прозаических и поэтических фрагментов, исполняется с чередованием рассказа и пения. Конструктивный принцип, лежащий в основе этой формы, "предполагает возможность сюжетно-жанрового синтеза, втягивания гетерогенных и гетероморфных образцов устного и литературного творчества, а именно таким и должен был быть путь сложения „Сокровенного сказания“, о чем говорит его синтетическая форма, в особенности обилие разножанровых стихотворных вставок" [Неклюдов, 1984, с. 237].

Несколько статей посвящено частным вопросам изучения "Сокровенного сказания" как памятника художественной литературы. В материалах II Международного конгресса монголоведов в Улан-Баторе опубликован доклад Л.Д.Шагдарова "Из наблюдений над речью автора-повествователя „Сокровенного сказания монголов"" [Шагдаров, 1973]. При всей разносторонности исследований, посвященных "Сокровенному сказанию", совершенно недостаточно, по мнению автора, изучается стиль этого памятника, речевая манера изложения. Л.Д.Шагдаров присоединяется к мнению тех исследователей, которые считают "Сокровенное сказание" не только историческим сочинением, но и памятником художественного творчества монголов. Это подтверждают, в частности, особенности языка и стиля этого сочинения, и в первую очередь отличие речи автора-повествователя от речи героев-персонажей. Речь героев, говорящих стихами, несомненно, индивидуализирована, хотя и несет на себе печать литературного редактирования, причем "единство творческой манеры, проявляющейся во всех стихах, заставляет предположить поэтическую обработку стихов одним и тем же автором" [Шагдаров, 1973, с. 284].

В своем докладе Л.Д.Шагдаров подробно разбирает стилистические особенности повествования в "Сокровенном сказании": "Основная особенность авторского стиля данного памятника состоит в том, что в нем совмещены два разных типа речи: сухое летописное изложение и живое художественное повествование" [Шагдаров, 1973, с. 284]. Родословная Чингис-хана и события первой половины XIII в. изложены деловым стилем, основное внимание обращается на фактическую сторону дела. В предложениях отсутствуют какие-либо изобразительные, эмоционально окрашенные эле-

менты. Предложения — нераспространенные и часто неполные, встречаются "цепочки" простых предложений, где неконечные сказуемые выражены деепричастием. "Если бы все сказание было выражено в таком стиле, — делает вывод Л.Д.Шагдаров, — мы имели бы перед собой типичную летопись-хронику" [Шагдаров, 1973, с. 285]. Однако в такое сухое повествование часто вклиниваются эпизоды из жизни героев, и тогда речь автора "Сокровенного сказания" "становится образной, синтаксически гибкой, интонационно и эмоционально богатой" [Шагдаров, 1973, с. 286]. Важную роль в изложении играют пейзаж, диалог, художественный вымысел, широко используются гиперболы, постоянные эпитеты, сравнения и другие стилистические приемы.

Известно, что "Сокровенное сказание" — произведение анонимное. Автор "Сокровенного сказания", по мнению Л.Д.Шагдарова, нигде не проявляет своего личного "я", в тексте нет ни авторских отступлений, ни оценок или разъяснений. Однако он обнаруживает свое отношение к событиям косвенно, через высказывания персонажей. Так, автор осуждает поступок Тэмуджина и Хасара, убивших своего брата Бэлгутэя, устами их матери Оэлун, которая произносит гневную речь. Причину беглого описания внешних завоевательных походов Чингис-хана Л.Д.Шагдаров видит в отрицательном отношении к ним автора сочинения. В целом "из повествования подтверждается, что авторская речь обладает известным единством творческой манеры, что она могла быть составлена одним человеком" [Шагдаров, 1973, с. 289].

Л.Д.Шагдаров продолжает свои исследования речевых характеристик на материале "Сокровенного сказания", обратившись к анализу высказываний его персонажей [Шагдаров, 1989]. На примере рассмотрения речи главных героев — Чингис-хана, Джамухи, Алан-гоа и Оэлун-эке — автор показывает, что речь их индивидуализирована и хотя глубокой психологической разработки характеров в сочинении нет, "тем не менее изучение речей действующих лиц „Сокровенного сказания" дает возможность познать некоторые отличительные черты характера героев, уровень их культуры, представить окружающую их социальную среду и историческую эпоху" [Шагдаров, 1989, с. 100].

Материалом для статьи А.В.Кудиярова "Художественно-стилевые закономерности эпоса монголоязычных народов" [Кудияров, 1984] послужили эпос "Джангар" как пример калмыцкой эпической традиции, эпос "Гэсэр" — бурятской и сказание "Хан Харангуй" — халха-монгольской. Привлекается и материал из "Тайной истории монголов", по словам А.В.Кудиярова, в качестве контрольного, т.е. на примерах из нее автор статьи показывает, как то или иное явление отразилось и в этом памятнике. Из многочисленных стилиевых приемов, выделяемых в эпических произведениях, автор предлагает для анализа следующие четыре: усложненная эпитетика, художественная вариация, поэтическая "репрезентативность" и образные иносказания. Первый прием,

закрывающийся в том, что "один из эпитетов в определенном ряду существительного уточняет или усиливает другой [Кудияров, 1984, с. 12], в "Тайной истории монголов" отсутствует, но широко представлен в других эпических произведениях. И автор делает вывод о том, что, "при несомненности глубокой связи этого памятника с фольклорными традициями перечисленных выше народов (отмеченными многими и очевидными признаками стилового единства), указанное обстоятельство может свидетельствовать о принадлежности анонимного автора „Тайной истории“ к иному – по происхождению – типу поэтической культуры, хотя и общей во многом с этими традициями" [Кудияров, 1984, с. 24]. Остальные три приема, по наблюдениям А.В.Кудиярова, были хорошо известны и в XIII в., что иллюстрируется примерами из "Тайной истории монголов". Более подробно и уже специально на материале "Тайной истории" рассматриваются стилиевые приемы в его статье "Стиль „Тайной истории“: имплицитность, вариация, репрезентативность, подхват" [Кудияров, 1986].

В системе стилиевых явлений А.В.Кудияров предлагает различать стилиеобразующие факторы, присущие природе самого языка, и стилиевые приемы, сознательно вводимые автором. К первым относится имплицитность, а ко вторым – вариация, репрезентативность и подхват. "Имплицитность – такое стилиевое явление, когда информативное содержание не выражается в тексте словесно, а подразумевается" [Кудияров, 1986, с. 38]. Особенно часто, как видно из примеров из "Тайной истории", опускаются имена действующих лиц и местоимения. Широко распространена вариация – "параллельный синонимичный повтор высказанной мысли" [Кудияров, 1986, с. 39]; одной из возможных причин широкого применения этого стилиевого приема в монгольской поэтике, по мнению автора, является существовавшая в древности у монголов практика передачи посланий гонцами, запоминавшими искусно зарифмованный текст. Под репрезентативностью словоупотребления А.В.Кудияров подразумевает регулярное употребление слов "высокого" стиля применительно только к персонажам высшей иерархии, что последовательно соблюдалось в тексте "Тайной истории". Видное место среди стилиевых приемов занимает один из видов повтора – подхват, когда вновь повторяется предыдущая фраза или ее часть, либо маркируя начало нового смыслового периода, либо, напротив, связывая две фразы в один смысловой период. Это явление характерно для сказительства, где повтор служит "своеобразной мнемонической опорой", позволяющей сказителю не терять нить повествования.

"Приведенные соображения (вкуче с другими обстоятельствами, здесь специально не рассматриваемыми), – пишет А.В.Кудияров, – дают основание утверждать, что текст „Тайной истории“ не писался, а диктовался анонимным автором, т.е. запись велась со слов человека, видимо, не знавшего грамоты или не особо искусственного в ней" [Кудияров, 1986, с. 50]. А.В.Кудияров подчеркивает, что автор

был непосредственным участником многих описываемых событий, о которых он рассказывает как очевидец, в то время как другие исторически значимые события упомянуты в "Тайной истории" мимоходом.

И в этой, и в своей предыдущей статье А.В.Кудияров постоянно обращает внимание на важность изучения стилистических приемов для правильного понимания и перевода памятника. Так, учет явления вариации может облегчить перевод неясных мест, как бы указывая направление поиска русских эквивалентов. А.В.Кудияров, пользуясь транскрипцией С.А.Козина, предлагает свои варианты перевода отдельных мест, которые оказываются более убедительными.

Б.Э.Хабунова в статье "Роль этно-фольклорной традиции монгольских народов в „Сокровенном сказании“" [Хабунова, 1987] отмечает, что этот памятник является богатством источником сведений, касающихся повседневного уклада жизни и самобытных традиций монгольского народа. Основываясь на тех стихотворных вставках, которые могут рассматриваться как образцы древней свадебной поэзии монголов, автор делает предположение о наличии у монголов уже в XIII в. сложившихся свадебных обрядов. Далее Б.Э.Хабунова переходит к обзору всех "рифмизованных" вставок памятника и определению их жанрового содержания. Пользуясь транскрипцией и переводом текста С.А.Козина и опираясь на его классификацию этих вставок, автор несколько изменяет и дополняет ее, относя к жанру магталов большее количество поэтических фрагментов и выделяя в этом жанре различные виды магталов.

Еще Ц.Ж.Жамцарано отметил связь летописи "Алтан тобчи" Лубсан Данзана с "Сокровенным сказанием", С.А.Козин собирался сделать подробный анализ обоих памятников, но единственной обстоятельной работой по этому вопросу остается статья Г.И.Михайлова. В первую очередь автор предлагает обратить внимание на расхождения между этими сочинениями. Он приводит примеры, свидетельствующие, что между памятниками имеются существенные различия, а места, общие по содержанию, имеют разную редакцию. Также в разной редакции представлены стихотворные фрагменты. Маловероятной считает Г.И.Михайлов версию об идентичности этих памятников, о пропусках по вине переписчика или по воле автора.

Сравнивая эти памятники по характеру повествования, Г.И.Михайлов приходит к выводу, что "Сокровенное сказание" "несколько более исторично и более литературно, „Алтан тобчи" же более фольклорно" [Михайлов, 1962, с. 87]. "Сокровенное сказание" более детально и подробно освещает события, а в "Алтан тобчи" приводятся легендарные сведения, в нем присутствуют персонажи мифов и эпоса.

Г.И.Михайлов предполагает, что сравнительное исследование языка двух сочинений так же покажет их различия, как и предпринятое С.А.Козиным изучение способов выражения множественного числа [Козин, 1946а].

По мнению Г.И.Михайлова, "оба эти памятника разные, между собой не связанные произведения" [Михайлов, 1962, с. 89]. Их сходство объясняется тем, что "и „Алтан Тобчи" и „Сокровенное сказание" восходят к какому-то общему источнику. Этим источником были монгольские легенды и предания, существовавшие сначала в устной форме, а затем, с распространением грамотности, зафиксированные письменно" [Михайлов, 1962, с. 88]. Разница между ними — результат того, что авторы двух сочинений включали в них различные произведения народного творчества из общего фонда легенд и преданий.

Статьи о "Сокровенном сказании" включены в "Краткую литературную энциклопедию", БСЭ (3-е издание) и в "Литературный энциклопедический словарь": [Михайлов, 1972; Михайлов, 1976].

Появление транскрипции и перевода С.А.Козина сделало доступным языковой материал "Сокровенного сказания" для исследователей-лингвистов. Профессор Г.Д.Санжеев писал: "Значение „Сокровенного сказания" велико потому, что оно является единственным памятником, в котором имеется большой связный текст, тогда как прочие источники содержат лишь небольшие тексты, отдельные фразы, слова и т.д." [Санжеев, 1953, с. 32]. У Г.Д.Санжеева нет работ, специально посвященных изучению языка "Сокровенного сказания", но он широко привлекал материал из него, пользуясь изданием С.А.Козина или П.Пеллио. Впрочем, языковой материал из этого памятника используется всеми, кто в той или иной степени занимается историей языка. Поэтому мы будем рассматривать только работы, специально посвященные "Сокровенному сказанию".

Начало изучению языка "Сокровенного сказания" было положено самим С.А.Козиным в двух статьях, где рассмотрены значение глагольной формы на *-t* и употребление показателей множественности [Козин, 1939а; Козин, 1946а]. В первой статье, приводя параллельные примеры из "Юань-чао би-ши" и "Алтан тобчи", содержащие глаголы в форме на *-t*, он определяет значение этой формы "как приблизительно равнозначущей с морфемой *-m~mi...*" [Козин, 1939а, с. 32]. "По-видимому, — пишет он, — различие между этими двумя морфемами заключалось в большем приближении *-t* к нашему понятию сослагательного наклонения..." [Козин, 1939а, с. 32-33]. Форма на *-t* исчезла к XVII в., сохранившись в отглагольных именах типа *saγat* 'препятствие', 'убавка', 'помеха' от корня *saγa-* 'убавить', 'стеснить'. Эту же морфему можно выделить в суффиксе деепричастия *-tala/-tele*.

Во второй статье также на материале языка этих двух памятников С.А.Козин рассматривает способы выражения множественности в древнемонгольском и монгольском языке XVII в. Многочисленные примеры позволяют сделать вывод о том, что в языке XIII в. показатели множественного числа употреблялись несравненно шире и не только с именами, но и с числительными и причастиями в атрибутивной и предикативной конструкции.

Употребление причастных форм в "Сокровенном сказании" — предмет статьи М.Н.Орловской [Орловская, 1958]. Наиболее подробно рассматриваются причастие будущего времени и причастие совершенное, поскольку случаи употребления остальных либо единичны (причастие многократное), либо ограничены отдельными функциями (функция определения для причастия на *-gđi* или употребление с отрицанием в значении 'еще не' для причастия прошедшего неоконченного). В результате исследования выявлены различия в употреблении причастных форм в языке "Сокровенного сказания" и современном монгольском.

В статье М.П.Хомонова "Из наблюдений над лексикой древнемонгольского памятника „Сокровенное сказание“" рассмотрено около 100 слов, относящихся к бытовой лексике: утварь, одежда, орудия, продукты, драгоценности — всего 8 лексико-семантических групп [Хомонов, 1970]. Перевод каждого слова дается по пяти источникам: [Козин, 1941; Пеллио, 1949; Кафаров, рукопись; Хениш, 1948; Дамдинсүрэн, 1947]. Кроме того, там, где это возможно, приводятся данные по современным языкам.

Некоторые вопросы фразеологии "Сокровенного сказания" рассматриваются в статье Г.Ц.Пюрбеева [Пюрбеев, 1974]¹⁷. Среди устойчивых словосочетаний памятника немало встречается таких, которые продолжают бытовать в современных монгольских языках, однако имеются и фразеологические архаизмы, либо вообще вышедшие из употребления, либо воспринимаемые носителями как устаревшие. В приведенных в статье примерах фразеологических оборотов автор не выделяет специально идиоматических выражений, но, установив, что среди фразеологических единиц "Сокровенного сказания" преобладают идиомы, делает вывод "о сильном влиянии разговорной речи древних монголов на язык данного произведения" [Пюрбеев, 1974, с. 229]. "Разнообразный фразеологический материал, выявленный в текстах „Сокровенного сказания“, составляет существенный элемент стиля этого уникального литературного памятника и во многих отношениях оживляет и обогащает его язык" [Пюрбеев, 1974, с. 229].

Еще одной частной проблеме посвящена статья И.А.Грабарь "О дательном-местном падеже в „Сокровенном сказании монголов“" [Грабарь, 1985]. Автором после сплошной выборки¹⁸ учтены все случаи употребления дательного-местного падежа. Отдельно рассматриваются три группы суффиксов: *-dur, -tur (-dür, -tür)*; *-a (-e)*; *-da, -ta (-de, -te)* — по степени убывания употребляемости в тексте. Употребление каждого суффикса в языке XIII в. сравнивается с классическим монгольским и иногда с языком "Алтан тобчи", квадратной письменности и современным монгольским. Частотность упо-

¹⁷ Все примеры и их переводы приводятся по тексту "Сокровенного сказания", изданного С.А.Козиным [Козин, 1941].

¹⁸ По публикации текста Л.Лигети [Лигети, 1964] и переводу С.А.Козина [Козин, 1941].

требления суффиксов дательного-местного падежа в "Сокровенном сказании" иллюстрируется таблицей. Все суффиксы употребляются как в значении дательного, так и местного падежа. Суффиксы *-a* (*-e*) и *-da, -ta* (*-de, -te*) свойственны только языку XIII в., в классическом монгольском они не встречаются.

В небольшой статье Ц.К.Корсункиева "К вопросу об ойратских лексических элементах в языке „Сокровенного сказания“ (по тексту С.А.Козина)" приводится около 30 "ойратизмов", выявленных автором в тексте [Корсункиев, 1985]. Большинство их снабжены эквивалентами из современного калмыцкого языка. Данные по другим языкам, как правило, отсутствуют.

Исследования Е.А.Кузьменкова посвящены одному из самых актуальных вопросов в изучении "Сокровенного сказания", вопросу, который так или иначе уже решался многими учеными, — проблеме фонетической реконструкции монгольского текста "Юань-чао би-ши". В докладе на V Международном конгрессе монголоведов Е.А.Кузьменков затрагивает один частный момент — обозначение монгольского *ö* в китайской транскрипции [Кузьменков, 1987].

Е.А.Кузьменков отмечает, что еще в 1946 г. Хаттори Сиро говорил о необходимости различать "китаизированную" и "монголизированную" транскрипцию (что более или менее соответствует двум транскрипциям С.А.Козина). Большинство авторов транскрипций стремились ко второй, т.е. реконструкции среднемонгольского текста, опираясь на свои представления о китайской фонетике и о монгольском языке XIII—XIV вв. Е.А.Кузьменков предлагает больше доверять китайской транскрипции, которая "учитывает многие фонетические детали среднемонгольской фонетики там, где располагает достаточными средствами для этого" [Кузьменков, 1987, с. 77]. В своем докладе он показывает, что, вопреки существующему мнению, в ней имелись средства для отражения оппозиции *o/ö*. Он обращает внимание на существование корреляции китайской финали *-ue* со среднемонгольским *ö*. В доказательство Е.А.Кузьменков отбирает для исследования четыре наиболее частотных транскрипционных иероглифа, выявленных при сравнении китайского материала с халхаским, имеющим фонологически устойчивый *ö*, и подсчитывает число лексем, в которых они используются для передачи *ö*, а также приводит примеры употребления других транскрипционных знаков в слогах с реконструированным *ö*, примеры варьирования знаков с финалью *-ue* и, наконец, примеры употребления этих знаков для слогов, где по халхаскому диалекту не реконструируется *ö*. Результаты показывают очевидность существования корреляции финали *-ue* с монгольским *ö*, реконструированным по халхаскому диалекту, т.е. возможно, "что знаки с финалью *-ue* были специально предназначены для отражения гласного *ö*" [Кузьменков, 1987, с. 81].

В материалах 14-го ПИАКа (Permanent International Altaic Congress, 1971 г.) опубликована статья Н.П.Шастиной

"Монгольские и тюркские этнонимы в „Сокровенном сказании““, в которой рассматривается происхождение этнонимов из текста "Сокровенного сказания" (по публикации П.Пеллио [Пеллио, 1949]) [Шастина, 1975]. 106 этнонимов разделено на 3 группы: монгольские, тюркские и тунгусо-маньчжурские. Наиболее многочисленной является группа монгольских этнонимов (73 названия). Автор приводит примеры этнонимов, происхождение которых не вызывает сомнения, и подробно, с привлечением материалов из Рашид ад-дина и других источников, рассматривает этнонимы, относительно происхождения которых в науке нет единого мнения: найманы, керейты и урянхай. Иногда в статье вопрос о происхождении этнонима сводится к вопросу о племенной принадлежности его носителей, что и определяет включение этнонима в ту или иную группу.

Язык китайского перевода "Юань-чао би-ши" представляет интерес для лингвистов, исследующих китайский язык эпохи Юань [Зограф, 1977]. Этот перевод, в частности, послужил одним из основных источников для монографии И.Т.Зограф "Среднекитайский язык", в которой так характеризуется язык этого текста: "С одной стороны, мы не встречаем в нем того разнообразия языковых средств, которое свойственно оригинальным китайским текстам... С другой стороны, там отмечены грамматические явления, необычные для китайской художественной литературы того же периода... и объяснимые как кальки с монгольского" [Зограф, 1979, с. 17-18].

Специально вопрос о влиянии монгольского языка на китайский рассматривает М.В.Софронов в опубликованных тезисах доклада "Язык китайской версии „Сокровенного сказания" и проблемы китайско-монгольских лингвистических контактов XIII-XIV вв." [Софронов, 1984]. Влияние монгольского языка выразилось, в частности, в нарушении в китайском языке памятника твердого порядка слов, использовании некоторых послелогов и знаменательного глагола ю 'иметь', 'иметься' в функциях, обычно им не свойственных.

Сама история изучения "Сокровенного сказания" тоже стала темой нескольких работ. Н.Ц.Мункуев в книге "Китайский источник о первых монгольских ханах" среди многочисленных китайских источников по истории Монголии и Китая XIII-XIV вв. дает характеристику и "Тайной истории монголов" [Мункуев, 1965]. Очень подробно, привлекая работы русских, китайских и европейских авторов, Н.Ц.Мункуев разбирает существующие точки зрения на название, авторство и датировку сочинения; по китайским источникам восстанавливает судьбу его списков и историю изучения его в Китае; и, наконец, очень кратко информирует о переводах этого сочинения на европейские языки. В основном по такой же схеме, но, разумеется, с учетом многочисленных новых исследований построен доклад Н.Ц.Мункуева "П.И.Кафаров и некоторые проблемы изучения „Тайной истории монголов“" [Мункуев, 1979]. Кроме фундаментальных обзоров Н.Ц.Мункуева есть статья Г.Э.Базаровой о зарубежных ис-

следованиях авторства "Тайной истории монголов" [Базарова Г.Э., 1977] и статья Б.З.Базаровой "Ц.Дамдинсурэн как исследователь „Тайной истории монголов“" [Базарова Б.З., 1989], а также опубликованные тезисы докладов Г.И.Михайлова о вкладе академика Б.Я.Владимирцова в изучение "Сокровенного сказания" [Михайлов, 1984], К.Н.Яцковской — о состоянии литературоведческих исследований "Сокровенного сказания" в КНР [Яцковская, 1989] и М.П.Хомонова, кратко представляющего основные этапы в изучении этого памятника [Хомонов, 1989].

Несомненно заслуга отечественного востоковедения в том, что ученый мир за пределами Китая узнал о существовании замечательного сочинения — "Юань-чао би-ши". Перевод П.И.Кафарова, а позже работы А.М.Позднеева открыли его для востоковедов многих стран. Первыми, кто оценил значимость нового источника, были историки. Затем к ним присоединились литературоведы. Важным этапом в изучении "Сокровенного сказания" явился труд С.А.Козина, который, поднявшись на новую ступень исследования, не только продолжил начатое своими предшественниками, но и вызвал к жизни новые направления, в первую очередь лингвистическое изучение этого памятника. За прошедшие более ста лет стараниями русских и советских ученых определилось место "Юань-чао би-ши" и как исторического источника, и как памятника монгольской литературы, и как источника сведений о монгольском языке XIII в. Работы, затрагивающие различные аспекты изучения "Сокровенного сказания", вносят весомый вклад в исследование этого памятника, который по-прежнему привлекает внимание ученых всего мира. Однако чем больше становится известно о "Сокровенном сказании", тем чаще все новые и новые вопросы, требующие решения на современном уровне, встают перед востоковедами и ждут своих исследователей.

- Бадмаев, 1984. — *Бадмаев А.В.* Калмыцкая дореволюционная литература. Элиста, 1984.
- Базарова Б.З., 1989. — *Базарова Б.З.* Ц.Дамдинсурэн как исследователь "Тайной истории монголов". — Источниковедение и текстология памятников средневековых наук в странах Центральной Азии. Новосибирск, 1989.
- Базарова Г.Э., 1977. — *Базарова Г.Э.* К вопросу об авторстве "Тайной истории монголов" в исследованиях зарубежных монголоведов. — Труды Бурятского института общественных наук. Вып. 28. Улан-Удэ, 1977.
- Бартольд, 1963. — *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. I. М., 1963.
- Бартольд, 1966. — *Бартольд В.В.* О колесном и верховом движении в Средней Азии (конспект доклада, сделанного 30 мая 1930 г.). — *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. IV. М., 1966.
- Бартольд, 1968а. — *Бартольд В.В.* Образование империи Чингис-хана. — *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. V. М., 1968.
- Бартольд, 1968б. — *Бартольд В.В.* [Рец. на:] *Владимирцов Б.Я.* Чингис-

- хан. Берлин—Петербург—Москва, 1922. — *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. V. М., 1968.
- Бембеев, 1973. — *Бембеев Т.О.* Литература. Калмыцкая АССР. — БЭ. Т. 11. М., 1973.
- Березин, 1868. — Сборник летописей. История монголов: сочинение Рашид-Эддина. История Чингиз-хана до восшествия его на престол. Персидский текст с предисловием И.Н.Березина. — ТВОРАО. Ч. 13. 1868.
- Березин, 1888. — Сборник летописей. История монголов: сочинение Рашид-Эддина. История Чингиз-хана от восшествия его на престол до кончины. Русский перевод с примечаниями И.Н.Березина. — ТВОРАО. Ч. 15. 1888.
- Веселовский, 1904. — *Веселовский Н.И.* Юань чао ми ши. — Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А.Врокгауз, И.А. Ефрон. Т. XL Б. СПб., 1904.
- Владимирцов, 1920. — *Владимирцов Б.Я.* Монгольская литература. — Литература Востока. Вып. 2. Пб., 1920.
- Владимирцов, 1922. — *Владимирцов Б.Я.* Чингис-хан. Берлин—Петербург—Москва, 1922.
- Владимирцов, 1923. — *Владимирцов Б.Я.* Монголо-ойратский героический эпос. Пб.—М., 1923.
- Владимирцов, 1934. — *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов. Л., 1934.
- Грабарь, 1985. — *Грабарь И.А.* О дательно-местном падеже в "Сокровенном сказании монголов". — Монгольский лингвистический сборник. М., 1985.
- Гумилев, 1970. — *Гумилев Л.Н.* Поиски вымышленного царства. М., 1970.
- Гумилев, 1974. — *Gumilyov L.N.* The Secret and the Official History of the Mongols in the Twelfth and Thirteenth Centuries. — The Countries and Peoples of the East. Moscow, 1974.
- Гумилев, 1977. — *Гумилев Л.Н.* "Тайная" и "явная" истории монголов XII—XIII вв. — Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977.
- Дамдинсурэн, 1947. — *Monggol-un niyüca tobciyan.* Ulaanbaatur, 1947.
- Дамдинсурэн, 1957. — Монголын нууц товчоо. Улаанбаатар, 1957.
- Жамцарано, 1936. — *Жамцарано Ц.Ж.* Монгольские летописи XVII века. — ТИВАН. Т. 16. М.—Л., 1936.
- Зограф, 1977. — *Зограф И.Т.* "Юань-чао би-ши" и пекинский диалект юаньской эпохи. — III и ПИКНВ. XII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (краткие сообщения). М., 1977.
- Зограф, 1979. — *Зограф И.Т.* Среднекитайский язык (становление и тенденции развития). М., 1979.
- История, 1981. — История калмыцкой литературы. Т. I. Элиста, 1981.
- Калмыцкая литература, 1967. — Хальмг урн угин литератур. Элст, 1967.
- Каталог, 1973. — Каталог фонда китайских ксилографов Института востоковедения АН СССР. Т. I. М., 1973.
- Кафаров, 1866. — *Палладий.* Старинное монгольское сказание о Чингисхане. — ТЧРДМ. Т. IV. 1866.
- Кафаров, рукопись. — Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР. Разр. I, оп. 3, ед.хр. 2.
- Козин, 1939а. — *Козин С.А.* Об одной неизвестной глагольной форме в монгольском письменном языке древнего периода монгольской литературы. — Уч. зап. ЛГУ. 1939, № 20.
- Козин, 1939б. — *Козин С.А.* Фрагмент из цикла эпических сказаний о Чингисе. — Уч. зап. ЛГУ. 1939, № 20.

- Козин, 1941. — *Козин С.А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Monggol-un niguca tobciyan*. Юань-чао-би-ши. Монгольский обобщенный сборник. Т. I. М.—Л., 1941.
- Козин, 1946а. — *Козин С.А.* К вопросу о показателях множественности в монгольском языке. — Уч. зап. ЛГУ. 1946, № 69.
- Козин, 1946б. — *Козин С.А.* Эпос монгольских народов и виды их письменности. — Вестник Ленинградского университета. 1946, № 3.
- Козин, 1948. — *Козин С.А.* Эпос монгольских народов. М.—Л., 1948.
- Корсункиев, 1985. — *Корсункиев Ц.К.* К вопросу об ойратских лексических элементах в языке "Сокровенного сказания". — Исследования по грамматике и лексике монгольских языков. Эписта, 1985.
- Котвич, 1925. — *Котвич В.Л.* К изданию Юань-чао-би-ши (Монголун нигуча тобциян). — Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук. Т. I. Л., 1925.
- Кудияров, 1984. — *Кудияров А.В.* Художественно-стилевые закономерности эпоса монголоязычных народов. — Фольклор: Образ и поэтическое слово в контексте. М., 1984.
- Кудияров, 1986. — *Кудияров А.В.* Стиль "Тайной истории": имплицитность, вариация, репрезентативность, подхват. — *Mongolica: Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова*. М., 1986.
- Кузьменков, 1987. — *Кузьменков Е.А.* Обозначение монгольского ϕ в транскрипции "Сокровенного сказания". — V Международный конгресс монголоведов. Доклады советской делегации. II. Филология. М., 1987.
- Лигети, 1964. — *Ligeti L.* A Mongolok Titkos Története. Budapest, 1964.
- Михайлов, 1962. — *Михайлов Г.И.* "Сокровенное сказание" и "Алтан товчи". — Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Улан-Удэ, 1962 (Труды Бурятского комплексного НИИ. Вып. 8. Сер. востоковедная).
- Михайлов, 1969а. — *Михайлов Г.И.* Литературное наследство монголов. М., 1969.
- Михайлов, 1969б. — *Михайлов Г.И., Яковская К.Н.* Монгольская литература. М., 1969.
- Михайлов, 1971. — *Михайлов Г.И.* Проблемы фольклора монгольских народов. Эписта, 1971.
- Михайлов, 1972. — *Михайлов Г.И.* Сокровенное сказание. — Краткая литературная энциклопедия. Т. 7. М., 1972.
- Михайлов, 1976. — *Михайлов Г.И.* Сокровенное сказание. — ВЭС. Т. 24. Ч. 1. М., 1976.
- Михайлов, 1984. — *Михайлов Г.И.* Б.Я.Владимирцов о "Сокровенном сказании монголов". — Всесоюзная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения академика Б.Я.Владимирцова. Тезисы докладов. М., 1984.
- Михайлов, 1987. — *Михайлов Г.И.* Сокровенное сказание. — Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.
- Мункуев, 1965. — *Мункуев Н.Ц.* Китайский источник о первых монгольских ханах. М., 1965.
- Мункуев, 1977. — *Мункуев Н.Ц.* Новые материалы о положении монгольских аратов в XIII—XIV вв. — Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977.
- Мункуев, 1979. — *Мункуев Н.Ц.* П.И.Кафаров и некоторые проблемы изучения "Тайной истории монголов". — П.И.Кафаров и его вклад

- в отечественное востоковедение (к 100-летию со дня смерти). Материалы конференции. Ч. II. М., 1979.
- Неклюдов, 1984. — Неклюдов С.Ю. Героический эпос монгольских народов. М., 1984.
- Орловская, 1958. — Орловская М.Н. Употребление причастий в "Сокровенном сказании" монголов. — Филология и история монгольских народов. М., 1958.
- Панкратов, 1962. — Юань-чао би-ши (Секретная история монголов). Т. I. Изд. текста и пер. Б.И.Панкратова. М., 1962.
- Пеллио, 1920. — *Pelliot P. À propos des Comans.* — JA. 1920, ser. XI, vol. 15.
- Пеллио, 1949. — *Pelliot P. Histoire secrète des Mongols.* P., 1949.
- Позднеев, 1884. — Позднеев А.М. О древнем китайско-монгольском историческом памятнике Юань-чао-ми-ши. — ИРАО. Т. 10. 1884, № 3–6.
- Позднеев, 1908. — Позднеев А.М. Лекции по истории монгольской литературы. Т. 3. Владивосток, 1908.
- Позднеев, [б.г.] — Позднеев А.М. Транскрипция палеографического текста "Юань-чао-ми-ши".
- Поппе, 1924. — *Poppe N.* [Рец. на:] *Vladimirtsov B.J. Tschingis-Khan.* — AM. 1924, vol. 1.
- Поппе, 1934а. — *Poppe N.H.* О древне-монгольской эпической литературе. — Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности: 1882–1932. Сб. статей. Л., 1934.
- Поппе, 1934б. — *Poppe N.H.* Монгольская литература. — Литературная энциклопедия. Т. 7. М., 1934.
- Поппе, 1937. — *Poppe N.H.* Халха-монгольский героический эпос. М.—Л., 1934.
- Пучковский, 1953. — Пучковский Л.С. Монгольская феодальная историография XIII–XVII вв. — УЗИВАН. Вып. VI. 1953.
- Пурбеев, 1974. — Пурбеев Г.Ц. Из наблюдений над фразеологией языка "Сокровенного сказания". — Исследования по восточной филологии. М., 1974.
- Санжеев, 1953. — Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. I. М., 1953.
- Словарь, 1977. — Китайско-русский словарь. Пекин, 1977.
- Софронов, 1984. — Софронов М.В. Язык китайской версии "Сокровенного сказания" и проблемы китайско-монгольских лингвистических контактов XIII–XIV вв. — Всесоюзная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения академика Б.Я.Владимирцова. Тезисы докладов. М., 1984.
- Татаро-монголы, 1977. — Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977.
- Хабунова, 1987. — Хабунова Е.Э. Роль этно-фольклорной традиции монгольских народов в "Сокровенном сказании". — Филологические исследования старописьменных памятников. Элиста, 1987.
- Хениш, 1931. — *Haenisch E.* Untersuchungen über das Yüan-ch'ao pi-shi. Die geheime Geschichte der Mongolen. — ASAW. 1931, Bd. XII, № 4.
- Хениш, 1948. — *Haenisch E.* Die geheime Geschichte der Mongolen. Lpz., 1948.
- Хомонов, 1970. — Хомонов М.П. Из наблюдений над лексикой древнемонгольского памятника "Сокровенное сказание". — Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 5. Улан-Удэ, 1970.
- Хомонов, 1976. — Хомонов М.П. Бурятский героический эпос "Гэсэр". Улан-Удэ, 1976.

- Хомонов, 1981. — *Хомонов М.П.* Устойчивые фольклорные элементы "Сокровенного сказания". — Востокведные исследования в Бурятии. Новосибирск, 1981.
- Хомонов, 1989. — *Хомонов М.П.* К истории изучения "Сокровенного сказания". — Цыбиковские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Улан-Удэ, 1989.
- Хроника, 1944. — Рабочая хроника института востоковедения за 1943 год. Т. 1. Таш., 1944.
- Шагдаров, 1973. — *Шагдаров Л.Д.* Из наблюдений над речью автора-повествователя "Сокровенного сказания монголов". — Олон улсын монголч эрдэмтний II их хурал. II боть. Улаанбаатар, 1973.
- Шагдаров, 1989. — *Шагдаров Л.Д.* Речевая характеристика основных действующих лиц "Сокровенного сказания". — Исследования по истории и культуре Монголии. Новосибирск, 1989.
- Шастина, 1975. — *Shastina N.P.* Mongol and Turkic Ethnonyms in the Secret History of the Mongols. — *Researches in Altaic Languages.* Budapest, 1975.
- Шастина, 1977. — *Шастина Н.П.* Образ Чингисхана в средневековой литературе монголов. — Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977.
- Яхонтова, 1988. — *Yakhontova N.* The Study of "The Secret History of the Mongols" in Russia and the USSR. — International Symposium on the "Secret History of the Mongols" Sponsored by Inner Mongolia Teacher's University. Huh-Hot, 1988.
- Яцковская, 1989. — *Яцковская К.Н.* К проблеме изучения художественных особенностей "Сокровенного сказания монголов". — Владимирцовские чтения (II Всесоюзная конференция монголоведов). М., 1989.